

CANCIONES LEJANAS
ДАЛЁКИЕ ПЕСЧИ

Сборник колумбийской поэзии
в переводах русских поэтов

ÁLVARO MARÍN

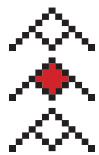
Álvaro Marín nació en Manzanares, en 1958. Poeta y ensayista. Sus ensayos críticos sobre cultura y literatura se publicaron en El Magazín del diario El Espectador durante los años 90. Los trabajos periodísticos realizados han sido publicados en el periodismo nacional y latinoamericano y otras publicaciones, entre ellas, Le Monde diplomatique y en medios de circulación local y comunitaria. En el ensayo los principales aportes se han desarrollado en temas relacionados con la cultura latinoamericana y las recientes políticas culturales. En el campo de la comunicación, las investigaciones desarrolladas sobre los procesos comunitarios han sido herramientas de trabajo de organizaciones sociales y comunitarias. Como escritor son varias las publicaciones en libros de poemas, ensayo y crítica: entre ellos La brújula no quiere marcar más el norte, libro de ensayo sobre literatura; Jinete de sombras, libro de poemas. Reconocido con el Premio de la Casa de Poesía Fernando Mejía de Manizales. Otras publicaciones son: Noche líquida, poemas, finalista en el Premio Latinoamericano de Poesía

АЛЬВАРО МАРИН

Альваро Марин родился в Мансанаресе в 1958 году. Поэт и эссеист. Его критические эссе о культуре и литературе были опубликованы в журнале «Зритель» в 90-х годах, а журналистские работы печатались в национальной и латиноамериканской прессе, в том числе в дипломатических и в местных общинных средствах массовой информации. Основной темой журналистского творчества является латиноамериканская культура и культурная политика. Исследования, проведённые в области коммуникации общинных процессов, стали инструментом работы для многих общественных организаций. Как писатель публиковался в книгах стихов, эссе и критики. Лауреат премии Дома поэзии Фернандо Мехия де Манисалес, финалист латиноамериканской премии поэзии города Медельин; награждён районным Институтом искусств ИДАРТЕС. Лауреат Национальной премии поэзии промышленного университета Сантандера 2016 с книгой «Догадки о ложном творении человека». Выступал координатором Международного фестиваля поэзии в Медельине, движения художников и интеллектуалов за мир Колумбии, работал в Управлении по правам человека секретариата правительства Колумбии в Боготе. Входит в состав редакции журнала The Crab Eye. Произведения опубликованы в нескольких национальных и латиноамериканских антоло-

Ciudad de Medellín; Estrategia continental, libro de ensayo sobre cultura latinoamericana y literatura publicado en Caracas. En el género de crónicas fue premiado por el Instituto Distrital de las artes IDARTES. Edita con otros artistas e intelectuales la revista El ojo del cangrejo. Publicado en varias antologías nacionales y latinoamericanas. Coordinó con el Festival Internacional de Poesía de Medellín el Movimiento de Artistas e Intelectuales por la Paz de Colombia, trabajó en la Dirección de Derechos Humanos de la Secretaría de Gobierno durante el gobierno de Colombia Humana en Bogotá. Premio Nacional de Poesía Universidad Industrial de Santander 2016 con el libro Conjeturas sobre la falsa creación del hombre. Publicó en 2018 el libro de ensayos Sobrevuelo a la literatura colombiana. En 2019 publicó el libro de ensayo y poesía Quemaduras. Su última publicación es Informe sobre la desaparición del hombre, una antología personal de su poesía.

гиях. В 2018 году опубликовал книгу очерков о колумбийской литературе, в 2019 году – книгу эссе и поэзии «Ожоги». Вышедшая недавно книга «Отчёт о кончине человека» – личная антология поэзии Альваро Марина.

A UNA HERIDA DALE ALAS

Y ya que es obra de tus sueños ama tu herida
a tu propia herida no la niegues, déjala ser,
desnuda su resplandor desde la cima más alta.
A tu herida enséñale a volar, dale alas,
deja que su dolor beba
entre los senos del vacío, la leche de la nada.

ARTE

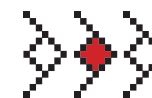
Es de la servidumbre de donde huyen las palabras, la lengua es turbulencia de la materia insatisfecha.
En el silencio la palabra siembra, desde su sombra lanza raíces.
Si caminamos sentimos los abismos de la espiral del vacío. Es de los altares de la resignación de donde huimos.
El arte no es horror al vacío sino al tiempo baldío del animal doméstico, esa catalepsia de tiempo sepultado.
En la fijeza el aire no resuena, si habla o escribe el satisfecho la poesía huye.
Si es por la exhibición la poesía no califica. La pasarela es el atajo de los caballos de feria.
La poesía restituye, es materia soluble, huye del tiempo.
Así es el agua, no deja que el polvo levante su imperio. El agua se desplaza, no en el tiempo, no en el espacio, no entre la dura materia.
Así es el agua, así son los árboles. No es hacia la oscuridad y la muerte hacia donde descienden los ríos.
No hay muerte, las raíces y las sombras buscan su luz más íntima.
El vacío, la materia lo arrastra tras de sí.
Cuando la poesía huye deja en el vacío un árbol plantado.

ОБРАТИ СТРАДАНЫЯ В КРЫЛЬЯ

Твои страдания – твои же крылья,
Их стыдно прятать – наоборот:
Взмахни крылами, взлети всех выше,
Презрев усталость, осилив боль.
Ты боль страданий испей до капли
И, став сильнее, лети к мечте!

ИСКУССТВО

Вырываясь из плена молчания, слова порождают вопросы, тишину засевают, из них зарождаются корни.
Мы идём за словами и бездны пустот превращаем в алтари всеобъемлющей силы искусства.
Тишина наступает с уходом поэта, пространство немеет, и безмолвие власть обретает над миром искусства. Но Поэзию, если она настоящая, время не в силах растворить, и воскреснет нетленное, вечное Слово.
Так вода не даёт воцариться пустыне, питая оазис, так росток молодой от корней вырывается к свету.
Даже если уходит поэт, мир не станет пустыней – в нём, возвращённые словом, останутся чудо-деревья.

LLAMA ANTIGUA

La vida no se acomoda en este galpón en donde el tiempo no cumple sus ciclos. El deseo es placebo. No hay huellas, es un acto de fe estar vivos.

Hay un plano donde las palabras dejan de nombrar, el tiempo se detiene y el mundo se nombra a sí mismo, y otro, en donde la indolencia no tiene esperanza ni en la muerte. No hay esperanza para quien no se rebela.

Aun la muerte tiene esperanza, aunque esta sea el vencer a la vida, pero los muertos vivos no tienen esperanza. Un muerto vivo es un silencio vacío, una vasija rota. Un muerto vivo es una obra abandonada.

La revelación es esta larga contienda entre la vida y la muerte.

En la memoria vegetal existen las talas y los rebrotes. Rebrotar en los declives de la historia, propiciar el momento de los nacimientos, aunque llegue primero el desierto con su imagen horizontal de la muerte.

Un largo duelo es un tiempo sin alas, y los nacimientos no ocurren si la muerte se baña en oro. Somos nuestros reos, nuestros propios carceleros, somos la fuerza del abismo que nos lleva de pies y manos.

Es mejor ser la descendencia desobediente. Esta geografía no nos vea caminar, muertos entre los vivos. Y, aun así, la vida hace rodar su espiral de sentidos, aunque nos detengamos en la fijeza, en esa fisura en la mitad del concierto.

Queda el despojo, los fragmentos que no encuentran su forma. La vida no puede ser la huida permanente, esa persecución continua de una sombra. Desviar nuestros pasos de lo oscuro en medio de esta geografía de herrumbre. Todavía hay espera, aun en los tiempos del hambre y de la sed, y precisamente por ellas, vivimos la espiral de los ciclos.

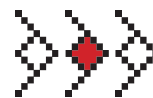
ДРЕВНИЙ ОГОНЬ

Жизнь пуста и никчёмна, когда угасают желанья.
Быть живым – значит, веру иметь и надежду,
это значит, гореть и бороться, надежду давая
тем, кто рядом с тобою по жизни шагает.

Даже смертью надежду убить невозможно,
если жив в тебе древний огонь возрожденья.
Так погубленный лес, вновь возносится к небу,
и на высохших землях трава зеленеет, как прежде.

Так – с паденьем миров чередуются яркие взлёты –
жизнью движет борьба, возрождая миры и пространства...
Но, бывает, мы сами себя заточаем в темницу,
если золоту власть отдаём над собою и миром.

Мы тогда – мертвецы и по кругу шагаем, как тени.
Так не лучше ль разжечь это древнее пламя желаний?
Жить надеждой – пускай, голодая, страдая от жажды,
но бороться и верить, себя каждый раз возрождая.

SOBRE ESTE POEMA SOBREVUELA UN BLACK HAWK

El fuego camina sobre el agua en una travesía a tres mil grados k.
El elemento puede ser el número atómico 22, titanio puro. Se extrae por un rapto de tetracloruro y por el influjo del carbono. A esta amalgama se agrega sangre de indio, y así empieza el descenso del cuchillo sobre el mundo, el metal en la forma de un halcón.

Black Hawk es un indio del Mississippi, un jefe sauk. Su gente, dicen, es gente de fuego. Black Hawk ofrece el alimento del tabaco a los ingleses que los ingleses vuelven humo. Asombrados los minerales bajo la tierra preguntan si en Europa hay vida antes de la muerte.

Hoy ya sabemos cómo desintegrar las partes del todo, y vemos caer una lluvia roja sobre un río insepulto. Otros saben cómo fundir el nombre de un jefe indio al metal, y saben convertir los huesos de la cultura en armas de guerra.

Desde el cielo cobrizo desciende el dios de titanio, su rumor seco entre la selva del Amazonas anuncia el comienzo de un tiempo oscuro. Este viejo rumor viene de caza desde el antojo de Europa del siglo XV. Abre las aguas, quiebra la noche y los mares profundos.

Esta versión del fuego no es una danza ritual, no es el fuego sauk, es el fuego que camina sobre todos los siglos. Esta es la muerte mineral, es una prolongada historia clínica con pozos de hemoglobina.

Este rumor en llamas trae una equis de huesos y un documento secreto. La tierra se estremece desde las praderas del Norte hasta la caída en las sombras de las selvas del Sur.

¿Y acaso lo esperado no era un tiempo de luces?
Detrás de los árboles un silencio nos llama, desde la sombra, desde el oscuro desdoblamiento del dolor.
¿A dónde creen ir los hombres y los animales?

НАД ЭТИМ СТИХОТВОРЕНИЕМ ПРОЛЕТАЕТ ЧЁРНЫЙ ЯСТРЕБ

Я видел, как горит вода на переправе.
Я знаю, как делают титан: в сплав добавляют кровь индейца, и мир получает занесённый над собой острый нож в виде ястреба.

Чёрный Ястреб – это индеец с Миссисипи, вождь племени Саук. Говорят, что его люди – это люди огня. Чёрный Ястреб продаёт англичанам табак, который те превращают в дым. Изумлённые камни под землёй спрашивают, есть ли в Европе жизнь до смерти?

Сегодня мы уже знаем, как разъять на части целое, видим, как огненный дождь падает на тихую реку. А другие знают, как переплавить имя индейского вождя в металл, они знают, как превратить орудие культуры в оружие войны.

С медного неба спускается титановый Бог, он предвещает начало тёмных времён в джунглях Амазонки, идущих из Европы XV века. Он поджигает воды, разрушает ночь и глубокие моря.

Этот огонь – не ритуальный танец, это не огонь Саук, это огонь, который ходит по всем векам. Это искусственная смерть, длительная история болезни мира.

Земля содрогается – от северных лугов до южных джунглей.
Разве не времени огня мы ждали?
За деревьями тишина зовёт нас из тёмной пелены боли.
Куда, по-вашему, идут люди и звери?

Мы больше не знаем, какой частью тьмы являемся. Нам говорят, что джунгли – это скопище могил, болото, полное стонущих утопленников, но куда идут эти тела, не отбрасывающие теней, куда идут эти странствующие призраки?

Что, если смерти нет? Что, если толпа поваленных деревьев и людей – дурной сон?

Ya no sabemos qué parte de la oscuridad somos. Dirán que la selva es un verdadero de sepulcros, un útero verde, un pantano de ahogados suplicantes, ¿pero a dónde van sin sombras estos cuerpos?, ¿a dónde van estos fantasmas errantes?

¿Y si no hay muerte? ¿Y si la multitud de árboles y hombres talados son un mal sueño?

Del Atlántico descende una noche que no es la noche, y entre humo y rapé nuestras voces preguntan: “y si no son estas nuestras palabras, y si no es esta nuestra boca, si no es este nuestro cuerpo, ¿qué somos entonces?”

Los árboles caídos dicen que estamos muertos. A los árboles caídos les cortamos la lengua y siguen hablando, los árboles caídos dicen que somos presencias vacías, aire sin aire, actos de fe. Y ya nada pueden hacer los pájaros por nosotros.

Esta es la historia de la transformación del nombre de un indio del Mississippi en el nombre de un arma de guerra, y del indio mismo convertido en metal. Ahora sobrevuela el verde del Amazonas.

Esta es la historia del fuego que camina sobre las aguas. Sobre este poema sobrevuela un Black Hawk.

CANCIÓN PARA ELIANA

Y tú niña, no te quejas si el cielo oscurece.
Juegas a las lamparillas bajo una manta de sombras
Bajo un cielo de alas negras. Y si el día arde,
Y si los fogonazos de la guerra incendian el sol
Sigues indiferente en el juego.

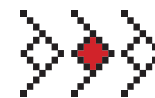
En el no saber que el hombre es un ser oscuro
Que caza aves, que caza hombres.
Es mejor que no lo sepas. Yo quiero ser como tú
Yo quiero ignorar el país de la muerte,

Из Атлантики приходит тьма, которая не является ночью, и среди дыма и табака наши голоса спрашивают: «Если это не наши слова, и если это не наши уста, если это не наши тела, что мы тогда?»

Упавшие деревья говорят, что мы мертвы. Упавшим деревьям мы отрезаем языки, но они продолжают говорить, упавшие деревья говорят, что мы пустые призраки. И птицы уже ничего не могут сделать для нас...

Это – история превращения имени индейца с Миссисипи в название оружия и самого индейца в металл. Теперь он пролетает над зеленью Амазонки.

Это история огня, который ходит по водам.
Над этим стихотворением пролетает Чёрный Ястреб.

ПЕСНЯ ДЛЯ ЭЛИАНЫ

Не пугает тебя, моя девочка, вдруг потемневшее небо – ты же думаешь, вечер пришёл, и огни зажигаешь.
Ты в пожарах войны видишь только сияние солнца и спокойно играешь в свои немудрёные детские игры.

Не желаешь ты, девочка, знаний о том, что бывают люди с чёрными душами, гибель несущие миру.
Как хотел бы и я быть в таком же неведение сладком, только стоны убитых вовек не дадут мне покоя.

Donde un ave que pasa
Puede ser el alma de un cuerpo segmentado.

El alma coja
De alguien que abandonó la tierra,
Que trabajó la tierra,
Que fue hundido en la tierra.

¿Y por qué digo cosas tan tristes para una niña?
Porque la dureza ha hecho de la tierra su imperio
Porque el juego de los niños ha sido suspendido
Y de la selva huyen las garzas con las alas en llamas.

Porque hablo desde el abismo.
Cosa terrible es hablar desde el abismo,
Las palabras salen con tierra.

Yo excavo en mi aridez interior
Hasta la más profunda de mis soledades,

Hasta la soledad de ti.
Y sin embargo
Hay una dulce gota
Y una luz de azafrán en tus labios durmientes.

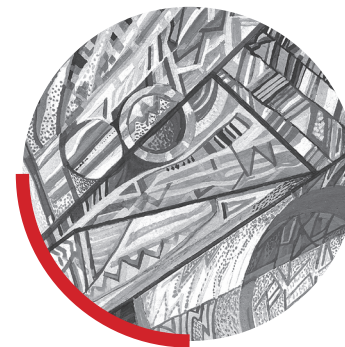
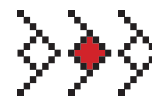
Tengo que confesar que estoy muerto
Estoy muerto, y canto. Te canto a ti niña, una dulce canción,
Porque duermes, porque no entiendes todavía lo que pasa.

И душа моя стонет стогласно в долине умерших
вместе с душами тех, кто когда-то любил эту землю,
кто возделывал землю, её защищал. И однажды
в эту землю ушёл, ей отдав свою душу до капли.

Почему я пою тебе, девочка, эту печальную песню,
ведь она так жестока для нежного детского слуха?
Потому что так было: все детские игры однажды забыли,
и в пожаре войны пали люди и звери, и птицы.

Потому что мой голос ты слышишь сегодня из бездны,
это страшно, когда из земли вырываются звуки...
Но ты, девочка, спишь, на губах твоих цвета шафрана
сладкой тенью застыла улыбка святого незнания.

Да, конечно, я мёртв, нет меня, и меня ты не слышишь.
Но сейчас я пою тебе, девочка, сладкую песню о жизни,
я хочу, чтобы сна твоего не коснулись земные печали,
чтобы долго ещё ты не знала о горестях этого мира.

CRÓNICA DEL PASO DE LA CORDILLERA

Cabezas en las puntas de las lanzas nos muestran que no somos los primeros en intentar el paso de la piedra empinada. La realidad es feroz, lo monstruoso domina por el terror: la estrecha mirada de la muerte representada como cabeza lanceada.

Vamos, unos dormidos, otros sonámbulos; otros deliran: “esta es la historia” dice el moribundo entre los brazos de su mujer, “esta es la historia, es el paso de la cordillera en el año de 1819”. Desvaría, el pobre delira.

Y alguien pregunta por los hombres talados, por los cuerpos arrojados al río; es la mujer, la fantasma loca, la esposa del supliciado.

¿Quién viaja por estas laderas de la muerte?

Pasan los arrieros del viento hacia la colina incendiada.

Las toscas medialunas de las herraduras tachonan la noche de verdinegra melancolía: mulas de fuego y mansedumbre, mulas de grano y de arsenal, monturas del relámpago. Mulas de oro, de sombras y camisas sangrantes.

Bestias de dios en la procesión silenciosa, en el misterio de no saber hacia dónde llevan nuestro cuerpo talado como un tronco de árbol.

Cadáveres al lomo de la niebla jinetean el páramo. Y estas medialunas relumbrian sobre el pan amargo y sobre las cuerdas reventadas que los músicos ya no saben pulsar: los dedos separados del pie, los ojos fuera de sus cuencos. Pasan los frutos desprendidos del árbol y es realmente nuestro cuerpo el que pasa en andas sobre el lomo de los caminantes en la fiesta del corpus.

ХРОНИКА ГОРНОГО ПЕРЕВАЛА

Мы не первые, кто попытался пройти эти горные кручи – нам об этом поведали мёртвые головы, вздетые на острия смертоносных копий. Это страшно, когда над реальностью властвует смерть, улыбаясь осками мёртвых голов.

Эти головы бредят в ужасном своём лунатизме: «Мы – правдивая летопись вечной борьбы за свободу». Это бредящий голос убитого здесь человека, это – хроника давних кровавых событий.

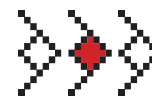
Эти головы помнят, кричат о телах своих, брошенных в реку. До сих пор здесь слышны неумолчные женские плачи – это призраки бродят навек обезумевших женщин.

Кто же, кто перевал этот сделал прибежищем смерти?

Вот, над нами проносятся тени убийц, устремляясь к закату.

Вот, следы от подков их коней грубо врезаны в ночь над горами. Скачут, как и тогда, молчаливые всадники в отблесках молний. Их одежды в крови, а за ними идут караваны мулов, наши тела уносящих в глухое забвенье.

Это наши останки покорные мулы проносят в тумане. А следы от подков превращаются в мёртвые звёзды, что бесстрастно мерцают над горной дорогой, над нами.

CONJETURAS SOBRE LA FALSA CREACIÓN DEL HOMBRE

Después de la caída al hombre todavía le quedan alas. Algunas veces las mueve y todos lo rodeamos; es un rito, siempre que sus alas se mueven lo observamos atentos, esperamos el momento de su levitación, pero vuelve a caer... pesado sobre la dura tierra.

Recae luego insiste, rueda o se desliza hasta volver a empezar el ascenso. Bordea la cima y vuelve a caer. Intenta algunas veces desde la armazón de un pájaro mecánico, y vuelve y cae. No puede negar su vocación terrestre.

Es falso que el hombre esté consumado, con la carcasa de sus huesos no logra levantar un refugio para un ser diferenciado. En todo caso el hombre aún no tiene siquiera la habilidad del escarabajo, sus alas rotas le estorban para caminar, su peso muerto es su pesada y persistente sombra.

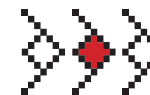

ДОГАДКИ О ЛОЖНОМ ТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Человек не умеет летать, даже если имеет он крылья.
Голосу разума в жажде своей совершенно не внемля,
бредит полётом, взлетает...
Но тут же в полнейшем бессилье
падает тяжко с размаху на твёрдую грешную землю.

Снова попытка: упрямо, мучительно – в небо...
И снова паденье.
Множество будет попыток, но все они тщетными будут –
видно, на страже далёкого неба земное стоит тяготенье,
и не дано одолеть его даже крылатым, но людям.

Значит, нелепо твердить, что во всём человек совершенен,
слаб он, в плену находясь у своих неразумных хотений,
он по земле ковыляет, а крылья мешают движениям –
крепко придавлен к поверхности тяжестью собственной тени.

AGUA CENICIENTA

Agua estancada
muertos que no han muerto aún y yacen en el fondo.
Pequeñas formas detenidas.
Esa mujer, tiene una voz bella, canta y su voz crece,
y su cuerpo de burbujas
es una niña antigua atrapada en un verdín de algas.
O aquel hombre
hubiera sido un patriarca y solo es el rey de sus andrajos.
Y los niños que se suicidan en mitad del juego,
y los perros, y los flacos caballos ciudadanos.
Agua de olvido, agua cenicienta
con las algas, las anémonas y las muñecas desmembradas
y la voz bella de la mujer que canta
y nos llama desde el fondo del agua estancada.

МУТНАЯ ВОДА

Застоявшаяся вода
скрывает мёртвых, лежащих на дне.
Мгновения здесь остановились.
Слышно пение девушки, её красивый голос растёт,
и пузырьками воздуха вырывается из-под воды
песня этой девушки, окутанной зеленью водорослей.
Человек рядом с ней
мог бы быть патриархом,
но стал всего лишь королём своих лохмотьев.
И дети, утонувшие во время купания,
и собаки, и тощие городские лошади...
Вода забвения, мутная вода
скрывает водоросли, анемоны, сломанных кукол.
Звучит только голос девушки – она поёт
и зовёт нас со дна застоявшейся воды.

CARTA DE UN INDIIO DE ORO A UNOS REYES DE CERA EN UN MUSEO

Señor rey de cera y señora reina de cera:
Los saluda un americano sepultado en el fondo de una vasija de oro quimbaya.
Mis restos que no reposan se encuentran en el Museo de América de
Madrid, mis cenizas llegaron a España a través del mar.

ПИСЬМО ЗОЛОТОГО ИНДЕЙЦА К ВОСКОВЫМ КОРОЛЯМ В МУЗЕЕ

Господин восковой король и госпожа восковая королева!
Вас приветствует американец, чей неуспокоенный прах находится на дне
золотого сосуда, привезённого из долины Кимбая. Мои останки
прибыли в Испанию через океан и теперь выставлены в музее Аме-
рики в Мадриде.

Jineteo el caballo de oro de la luz, traigo como ofrenda la oquedad profunda de un largo silencio, y vengo a tocar en las puertas de sus corazones de cera. El relieve de mi casco de tumbaga viene de las manos de artesanos del fuego. Laminado en el yunque de la noche, labrado por el agua del río Cauca, mi casco de luz ilumina el camino de descenso a estos tiempos oscuros.

Traigo de presente el rumor de una multitud de seres que no tienen cuerpo. Escuchen ustedes el cascabeleo de su marcha danzante, escuchen la música de la respiración de la tierra.

Por los caminos de América aún pasan los fantasmas delirantes de Pizarro y Orellana, cubiertos por el musgo del Amazonas. Buscan todavía ciudades levantadas con las partes desprendidas de un casquete del sol, confunden el metal con el resplandor del fósforo de nuestros huesos.

Los colonos heredaron el delirio de excavar en las tumbas. Yo era polvo de la luz en un vientre oval cuando fui raptado de una tumba quimbaya y traído a España. Y ahora quiero volver a mi cuenco de luz en el Cauca, al fuego original que no es un tesoro sino mi alma raptada que busca sus partes dispersas.

Los elementos entonan un canto propiciatorio para que nuestras partes vuelvan a juntarse, nuestras partes que son llamas en forma de pájaros, nuestras partes que son cuentas en forma de aerolitos, nuestras partes que son fragmentos del sol. Llevamos pendientes y narigueras de oro. No son abalorios, son los elementos protectores del viaje.

Vienen conmigo cabalgando en sus potros oscuros los no nacidos. No soy yo quien llama, son los no nacidos quienes golpean en las puertas del inframundo, en las puertas de herrumbre de este museo.

Señor rey de cera y señora reina de cera:

Soy un muerto que atraviesa la puerta del Museo de América. Vengo de un no lugar perdido entre las chispas de las estrellas, como estas almas que taladran en la noche.

Я приехал к вам на золотом коне и, принеся в жертву своё долгое молчание, я стучу в двери ваших восковых сердец. Мой золотой шлем, сделанный лучшими мастерами огня, освящённый водой реки Каука, освещает мой путь в те давние тёмные времена.

Я обращаюсь к вам от имени многих моих соплеменников, чьи тела ныне – лишь прах. Послушайте звон их танцующей походки, послушайте музыку дыхания Земли.

По дорогам моей страны до сих пор бродят призраки Писарро и Орельяны, покрытые мхом Амазонки. Они всё ещё ищут наши города, украшенные солнечным металлом, путая его блеск с фосфорным сиянием наших костей.

Их потомки унаследовали страсть копания в могилах. Я был лёгкой пылью в золотом сосуде, когда меня похитили из могилы и привезли в Испанию. И теперь я хочу вернуться к своей чаше света в Кауке, к первоначальному огню, ибо он не сокровище, а моя похищенная душа, которая ищет свои разбросанные по миру части. Части, которые являются кусочками солнца моей родины.

Мои нерождённые потомки едут вместе со мной верхом на своих нерождённых конях. Слышите звон? Это не я звоню, это нерождённые стучат в двери подземного мира, в ржавые двери этого музея.

Господин восковой король и госпожа восковая королева!

Я покойник, проходящий через ворота музея Америки. Я родом из небытия, затерянного среди звёзд, как и все эти души, пронизывающие ночь.

Витрины этого музея выставляют как сокровище наши глубокие раны, наши ветхие кости. Я пришёл не жаловаться, из долгого путешествия я пришёл, чтобы собрать части своей души.

Я пришёл за нашими погребальными сосудами, чтобы продолжить наш долгий путь. Что может быть в музее Америки величественнее, чем глубина нашего долгого молчания? Мы – горстка забвения на дне погребального сосуда. Золота не существует, его свет никогда не был сокровищем – это золотые животы наших матерей, что несут нас рядом со звёздами.

Las vitrinas de este museo exponen como un tesoro nuestras largas heridas, nuestros huesos desvencijados. No vengo de lastimero, vengo a recomponer mis partes, vengo de un largo viaje y voy a una fiesta, llevo mis pies de fuego y el resplandor de mi máscara.

Y al fin, ¿qué es un fragmento de un casquete del sol exhibido en un museo? Solo vengo por nuestras vasijas para seguir nuestro largo camino. ¿Qué puede haber en el Museo de América más que el vacío de nuestro largo silencio? Solo un puñado de olvido al fondo de una vasija funeraria. El Dorado no existe, nuestra luz no es un tesoro, son los vientres de oro de nuestras nodrizas que nos llevan junto a las estrellas.

Vamos de regreso al huevo original, llevamos para el viaje nuestros huesos frrados en el metal de la luz, alistados para las grandes contiendas. A las esferas planetarias vamos bajo la tierra, a las estrellas se llega por caminos desconocidos. Hasta el inframundo llegaron a buscarnos saqueadores de Europa, buscadores de tesoros. Por este delirio Nefertiti fue raptada de Egipto y llevada, muerta y prisionera, al Museo de Berlín. Por este delirio los frisos de Atenas están en Bretaña y los bronceos de oriente se subastan en París, por este delirio nuestro fuego quimbaya no tiene vida en el Museo de América de Madrid.

Мы возвращаемся к началам, берём в долгий путь наши останки, украшенные металлом света, готовые к большим сражениям. В космос мы идём под землёй, к звёздам добираемся неизвестными путями. В царство мёртвых давно проникли мародёры из Европы, охотники за сокровищами. И теперь Нефертити похищена из Египта и доставлена, мёртвая и пленённая, в Берлинский музей. Разве не бред, что Афинские фризы находятся ныне в Британском музее, а бронзовые изделия Востока продаются с аукциона в Париже? Из-за этого бреда золотой огонь Кимбая безжизнен в музее Америки в Мадриде.

Перевод Андрея ФРОЛОВА

